

Александр
БЛОК

Сочинения

Александр Александрович Блок

Непонимание или нежелание понять?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3260735

Аннотация

«Д. В. Философов корит меня в „Речи“ за мою статью „Искусство и газета“, напечатанную в „Русской молве“. Статью свою Философов озаглавил: „Уединенный эстетизм“. Оба факта – и заглавие статьи и, главное, самое ее существование – совершенно для меня непонятны. Тем не менее необходимо выяснить недоразумение...»

Александр Александрович Блок Непонимание или нежелание понять?

Д. В. Философов корит меня в «Речи» за мою статью «Искусство и газета», напечатанную в «Русской молве». Статью свою Философов озаглавил: «Уединенный эстетизм».

Оба факта – и заглавие статьи и, главное, самое ее существование – совершенно для меня непонятны. Тем не менее необходимо выяснить недоразумение.

Д. В. Философов излагает вкратце мою статью, пропуская несколько существенных мест. После этого он делает из статьи свой вывод: «Искусство должно твориться избранными для избранных». После этого он спорит с этим выводом, который сделан им, а вовсе не мною; мною же он не сделан не потому, что я его «боюсь», как говорит Д. В. Философов, а потому, что я, в главных чертах, согласен с доводами Д. В. Философова против такого вывода. Мало этого: я бесконечно благодарен Д. В. Философову за то, что он досказал многое, чего я в своей статье не успел или не сумел досказать. Правда, то, что досказал он, касается вопроса о «демократии», а не об искусстве. Но об этом – речь впереди.

В чем же, однако, дело? Не чрезмерная ли роскошь для русской современной жизни в том, чтобы люди, по существу между собою согласные, выступали с публичными спорами? Если роскошь, значит – баловство; а баловство – грех.

Так, думается мне, рассудил бы человек «посторонний», и был бы совершенно прав.

Кажется, всего справедливее разделить нам этот грех с Д. В. Философовым «пополам». Мой грех – в том, что я не сказал того, что думал, с достаточной полнотой и ясностью, не поставил «точек над і» и этим ввел в заблуждение, может быть, не одного Философова. Грех же Д. В. Философова в том, что он построил свою статью в виде «опровержения», а не в виде «дополнения», и в том, что он сделал из нее произвольный вывод, для чего ему пришлось, однако, закрыть глаза на некоторые части моей статьи.

Во искупление греха я должен сказать ясно о том, на что в статье, может быть, только намекнул. Это касается двух вопросов: вопроса об отношении искусства к жизни и вопроса о демократизации и вульгаризации. Начну с первого.

Могло казаться, что я говорю о безмерной пропасти, которая лежит между искусством и жизнью, для того чтобы унижить жизнь на счет искусства, принести ее искусству в жертву. Жаль, если кто-нибудь подумал так. Не во имя *одного* из этих миров говорил я, а во имя *обоих*. Чем глубже любишь искусство, тем оно становится несоизмеримее с жизнью; чем сильнее любишь жизнь, тем бездоннее становится пропасть

между ею и искусством. Когда любишь то и другое с одинаковой силой, – такая любовь трагична. Любовь к двум братьям, одинаково не знающим друг о друге, одинаково пребывающим в смертельной вражде, готовым к смертному бою – до последнего часа, когда придет третий, поднимет их за брала, и они взглянут друг другу в лицо. Но когда придет третий? Мы не знаем.

«Блок смешивает „вульгаризацию“ с „демократизацией“. Боясь вульгарности, проповедует ложный аристократизм. Я говорю – *ложный*, потому что подлинный аристократизм связан непременно с подлинным демократизмом».

Это – утверждения Философова, к которым я, по моему убеждению, никакого повода не давал. Сознательно говорил я о *вульгарном*, метя именно в него, а не в демократию, о которой памятовал. «Ложный» же аристократизм – еще вульгарнее простой вульгарности (утверждаю, что мы с Философовым разумеем под этим одно и то же, что можно наблюдать в иных лакееобразных эстетях). И, наконец: подлинный аристократизм связан с демократией...

Отвечаю на это: в моей статье, на которую возражал Философов, есть намек на такую веру.

Но так как это – область веры, трудно и тяжело говорить об этом. Гадать об этом – не знаю, можно ли и надо ли. Говорить утвердительно – значит *проповедовать*.

Только два слова: то, что можно разуметь под демократией будущего, подобно радию; так мало этих веяний в ми-

ре, так легко они улетучиваются. Люди, которые будут жить после нас, назовут это, вероятно, другим именем, – священным. Но не даром Карлейль говорил так призывно о «демократии, опоясанной бурей».

20 декабря 1912